



---

Искусство чтения

---

Ольга ЕФИМОВА

## ЮРИЙ КАЗАРИН И ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ: Поэтический диалог

Когда мы говорим о сравнении, то подразумеваем, что свойства одного предмета показываются через свойства другого. В современной русской литературе возможно наблюдать диалог в творчестве совершенно разных поэтов. Тем удивительнее наблюдать, что в повседневной жизни эти двое прекрасно находят общий язык. Личная дружба и общие ценности при абсолютно разном выборе изобразительных средств языка в результате дают неувимое ощущение родства двух столь непохожих авторов.

Зачем сравнивать?.. Потому что это интересно. Потому что на контрасте становятся осязаемее различия в мировосприятии, которые непременно отражаются в стихах. Два поэта, два филолога, два товарища, принадлежащие к одному поколению — рожденных в 50–60-е годы прошлого века. Оба уже несколько лет живут в сельской местности, вдохновляются родством с природными стихиями. Но какая разница в восприятии и отображении мира! Один — предельно безвременен, другой — по-журналистски конкретен.

У коренного екатеринбуржца Юрия Казарина пространство предстает в своей метафорической и метафизической многозначности:

Пространство — это то, что вынимает свет  
из темноты — и спит. Все остальное  
живая пустота, которой нет,  
в которой сжато время ледяное:

---

Ольга Ефимова — поэт, прозаик, литературный критик. Окончила экономический факультет МГПУ по специальности «Менеджмент в сфере образования». Публиковалась в журналах «Урал», «Наш современник», «День и ночь», альманахе «День поэзии». Родилась и живет в Москве.

оно болит и вечности темней  
и старше, и случается над ней  
мерцающее, влажное, родное,  
не новое, а истинно иное.

Не ухватишь это стихотворение за первую букву, не протянешь нить повествования от начала до конца. Пространство сжимается, пульсирует, тщательно избегая соблазна выстроиться в логический ряд. Сплошная метафора, которую хочется продолжать и продолжать, ассоциации, помноженные на широту абстрактных понятий. «Вечность» нависает над читателем темной и непостижимой силой, которой лучше покориться и не будить таящееся в ее глубинах древнее зло.

Что такое жизнь для Евгения Степанова, которого хорошо знают Санкт-Петербургские читатели, — поэт, постоянный автор журналов «Нева» и «Звезда»?

Это постоянное и безжалостное, не терпящее самолюбования препарирование самого себя, горькая и долгая исповедь. Средства выразительности этого автора далеки от поэтичности. Да и стихи, в которых доминирует нарратив, иногда похожи на жесткую очерковую прозу.

Вот, например, программное стихотворение автора, которое было напечатано в Санкт-Петербургском журнале «Звезда», в № 10 за 2019 год.

#### ДИАЛОГ ДВУХ НЕИЗВЕСТНЫХ

— Разве я лиходея  
Из секретной и мрачной конторы?  
Я сажал не людей,  
Я сажал огурцы-помидоры...

Разве долго у краль  
Я торчал в непотребных притонах?  
Разве много украл  
И сховал в закромах потаенных?

Разве я проморгал  
Свой талант, растащил по лабазам,  
Разве не помогал  
Тем, кому помогать был обязан?

Разве где-то внутри  
Я не верил в незримого Бога?  
— Говори, говори!  
Говорить будем долго и строго.

Это как последнее слово перед приговором. Или разговор на Страшном суде. И тут уже не до красивых фраз, которых Степанов старается всячески избегать.

В каждом стихотворении и Казарина, и Степанова на первый план выступает проблема несовершенства земной жизни. Но если один философски наблюдает ее течение, то другой ищет сочувствия, исповедует, кается, идет дальше, опять набивая шишки... Степанов как будто сам себя уговаривает, настраиваясь на активное отстаивание себя в земном и вещественном мире. Конечно, заслуживают внимания оба творческих метода. Вспоминается поговорка: «На Бога надейся, а сам не плошай». Заряд энергии

в сверхплотных стихотворениях Юрия Казарина таков, что читатель без подсказок чувствует этот огромный скрытый потенциал... При этом Евгений Степанов, пытаясь успокоить мятущийся дух, так же, как лирический герой Юрия Казарина, припадает к земле.

Жизнь — это не только необъятный купол неба, но и простые земные радости: так, например, лирический герой Евгения Степанова от городской суеты сбегает в дачный поселок, где находит умиротворение и гармонию:

#### КАК ФОН-БАРОН

Я больше не бегу, и дни мои рутинны.  
На дачном берегу живу, как фон-барон.  
Вельветовая ветвь молоденькой рябины  
Влезает, как спецназ, на старенький балкон.

А рядышком — сосна, орешник да ромашки...  
И так здесь хорошо, что я забыл беду.  
Сосед ко мне зайдет — мы хлопнем по рюмашке.  
А если не зайдет — я сам к нему зайду.

И так здесь хорошо, и так поют чирики,  
Синицы, соловьи — их всех не разберешь.  
И травы, как стихи, целебны, многолики.  
И время в сапоге не прячет финский нож.

В художественном пространстве лирики Евгения Степанова образы трав и цветов истолковываются прямо, как в разговорной речи: близость к земле, тишина и спокойствие деревьев и растений несут усталому человеку благодатную гармонию. На земле человек живет в согласии с собой и с природой, целостно, как и было заповедано свыше.

Юрий Казарин — совсем другой. Мы не встретим у него в стихах описаний умиротворяющего дачного (сельского) быта, места действия, восхищения природой. Время и место у него сжимаются в точку, и одиночество человека ощущается жестче. Отчетливее. Фатальнее:

Здесь места месту нет.  
Здесь время не бывало.  
Стоял несветлый свет —  
и свету было мало:  
так, мотыльков щепоть —  
рассыпчатое тело...  
Умри меня, Господь,  
чтоб в мире посветлело.

Этот поэт одиночество не преодолевает. Ему скорее комфортно в колючей стихии разобщенности людей и мерцающем, холодном свете, будоражащем читателя массой свободных ассоциаций. Лирическое пространство поэта не отличается многочисленностью деталей, и уж тем более поразительно видеть у Казарина, одного из выдающихся поэтов современности, на мой взгляд, полное непринятие примет текущего дня. Это стихотворение кажется написанным, как минимум, до первой русской революции, а при ближайшем рассмотрении находим его универсальным для любой исторической

эпохи. Подобная непривязанность если не глубоко религиозна, то, по крайней мере, напоминает нам об изначальной предрасположенности человека к свету. Интересно, если поместить этот текст в будущее, скажем, в XXII век, будет ли он смотреться так же органично? Несомненно, будет.

Но о Боге можно говорить и по-другому: четко, кратко, конкретно, как это делает Евгений Степанов в стихотворении «Разговор»:

— Я же кровь Твоя и плоть,  
Значит, что-то стою.  
Чем помочь тебе, Господь?  
— Будь со мною.

Кажется, это одна из лучших реплик, которую поэт осмелился вложить в уста Господа. Природа создана почти как рай, и только мы виноваты в том, что творим, в том, что живем так, как живем. А нам так много дано! Игру природных стихий, дарованных человеку, тонко описывает Юрий Казарин. Пластика стихотворения создается мгновенными переходами из одной плоскости пространства в другую:

Вывихи синевы  
да под водою ива —  
это разрыв травы  
или трава разрыва.  
Или в слезах кусты —  
ягодные простуды.  
В небе плывут сосуды  
медленной пустоты.  
В каждом, уже чиста,  
вечность твоя — иная —  
тянется мимо рта,  
теплая, ледяная.

Сопоставляя эти стихотворения, мы отчетливо видим отличия мировоззрения и мировосприятия двух современных русских поэтов. Активная жизненная позиция Евгения Степанова в противовес созерцательной метафоричности Юрия Казарина приобщают читателя к двум разным принципам поэтического мышления. Однако при внимательном прочтении творчество этих ярких авторов обнаруживает единство духовного опыта, переключку чувств, порождаемых откликами не на сиюминутные события, а чувств, хорошо отрефлексированных, проникнутых мыслью о планетарной общности людей... В конечном итоге читатель ощущает религиозное единство всего живого и неживого. В то же время неповторимость каждого лирического голоса подчеркивает, насколько важен для каждого из этих поэтов предельно честный разговор с самим собой. Огромное значение приобретают размышления о собственном предназначении и поиск Бога в неустойчивом и хрупком материальном мире.

Интересно, что Юрий Казарин, поэт-метафорист, и Евгений Степанов, поэт прямого высказывания, по-разному используют версификационные приемы. Если Степанов находит (довольно часто!) неожиданные (прежде всего составные) рифмы: забавней — за баней; в Рязани ли — изранили; аскеты — а с кем ты; за путан — заплутал; громадной — рай-и-ад в ней; известна — из века; не вечна — невеста и т. п., то Казарин в этом смысле более традиционен. Он меньше заиклен на деталях, решая прежде всего онтологические вопросы бытия.

Какой путь в поэзии более интересный? На мой взгляд, интересны оба пути. Потому что, по сути, оба поэта говорят о главном — о страдающей человеческой душе в нашем не самом совершенном мире.

И конечно, оба поэта всегда пишут о любви. У Казарина это высокое чувство точно таится между строк и вытекает из каждой лексемы, из каждого звука, а Степанов, как всегда, говорит открыто, не витиевато. Стихотворением Евгения Степанова я бы и хотела закончить эти заметки.

### ПОСЕЛОК

И рана стихает, и снятся стихи.  
И рано — надеюсь — еще на погост нам,  
Покуда в Быково поют петухи  
И дятлы стучат по взлетающим соснам.

Здесь время-улитка не слишком спешит.  
Здесь солнце-улыбка ласкает домишки.  
И миф о всесии денег смешит.  
И падают звезды, как гулкие шишки.

Здесь белые ангелы, точно десант,  
Спускаются с неба веселой гурьбою.  
И так величав этот маленький сад!  
Что может быть лучше? Сад вместе с тобою.